

voprosy teorii i praktiki. Materialy nauchnogo seminaru / Pod red. P.A. Cyankova. M., 2011).

Цыганков П.А. Приватизация мировой политики: локальные действия — глобальные результаты. М., 2008 (*Cyankov P.A.* Privatizacija mirovoj politiki: lokal'nye dejstvija — global'nye rezul'taty. M., 2008).

Е.Н. Грачиков, канд. полит. наук, ст.н.с. кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ: ОПЫТ ИЗРАИЛЯ

E.N. Grachikov

HYBRIDS WARS: ISRAEL'S EXPERIENCE

В статье предпринята попытка обобщения опыта Израиля в борьбе с нетрадиционными угрозами, которые переросли в гибридные войны. Особенность этих войн заключается в том, что они, как правило, ведутся между западными и незападными странами, в приграничном и плохо контролируемом пространстве. Противниками Запада выступают альянсы и союзы незападных стран и негосударственных акторов. При этом для оправдания войн используются нормы международного права.

Ключевые слова: гибридные войны, западные страны, негосударственные акторы, нормы международного права.

The article attempts to summarize the experience of Israel in the fight against non-traditional threats, which escalated into a hybrid war. Feature of these wars lies in the fact that they are usually conducted between Western and non-Western countries in the border and poorly controlled space. West opponents favor alliances and associations of non-Western countries and non-state actors. In this case, to justify the war, the norms of international law are used.

Key words: hybrid war, non-Western countries, non-state actors, norms of international law.

После холодной войны аналитики многих стран не смогли точно охарактеризовать возникающие угрозы, которые не подходили под существовавшие тогда концепции и не могли быть четко классифицированы. Американские военные говорили о “гибридных угрозах”¹, русские — об асимметричных войнах². Израиль с учетом своего географического поло-

---

* **Грачиков Евгений Николаевич**, e-mail: egrachikov@gmail.com

¹ *Hoffman F.G.* Conflict in the 21st Century: the rise of hybrid wars. Arlington, 2007; *Idem.* Hybrid warfare challenges / Joint Force Quarterly. 2009. N 52 (1); *Idem.* Hybrid vs. compound war, the Janus Choice: defining today's multifaceted conflict // Armed Forces Journal. 2009. Oct. URL: <http://www.armedforcesjournal.com/hybrid-vs-compound-war> (дата обращения: 01.04.2015).

² *Гареев М.А.* Война и современное международное противоборство // Независимое военное обозрение. 1998. 09.01. № 1; *Рябчук В.Д., Солнышков Ю.С.* Военное

жения придерживался “периферийной доктрины” первого премьер-министра Бен Гуриона³.

Пережив три разрушительные войны (1948, 1967, 1973), Израиль в последующие десятилетия старался ни с кем не воевать. Тем не менее он был вынужден провести пять военных компаний против противника, который представлял из себя союз государств и негосударственных акторов (НГА): первая ливанская война (1982), первая интифада (1987–1993), вторая интифада (2000–2004), вторая ливанская война (2006) и операция “Бросок пули” (2008–2009). С момента начала в 2006 г. конфликта между Израилем и Хезболлой появляется термин “гибридные угрозы”, который применялся для описания растущей сложности и нелинейности “акторов угрозы”, подрывавших положение статус-кво. Разрастание этих акторов, которые по-новому соединяли регулярные и иррегулярные возможности и внезапно перемещали их для создания стратегического эффекта на нужных направлениях, способствовали тому, что концепция гибридных угроз привлекла внимание и стала объектом многих дискуссий. Из этого дискурса вышел термин “гибридные войны”.

Противостояние Запад — Незапад и смена пространства войны

В сегодняшнем мире Израиль, возможно, единственная страна, которая приобрела опыт ведения войн в различных пространствах — традиционных (сухопутное, морское, воздушное), экономических (санкции арабских стран и их союзников) и террористических (на территории Израиля и в других странах против евреев). Исторически сложилось так, что, как только одна форма войны с Израилем терпела неудачу, шел процесс стратегической адаптации его врагов к этой ситуации и выбирались следующие пространства для атак. Когда происходила смена старой формы войны на новую, Израиль был вынужден приспосабливаться, правильно ее концептуализировать, оценивать природу и серьезность угрозы и вырабатывать собственные стратегические концепции, институты и соответствующее поведение, чтобы адекватно реагировать на меняющуюся ситуацию. Быстрая способность распознавать возникающие пространства войны, правильно оценивать и эффективно отвечать, стала, таким образом, критической потребностью для национальной оборонной стратегии Израиля⁴.

Сейчас Израиль находится на этапе последней смены пространства войны. Новый конфликт представляет из себя *гибридную войну*, в которой западные страны и негосударственные акторы формируют транснациональные союзы, используют неконтролируемые пространства, глобальные институты и международное право, чтобы вести военную, террористическую, информационную, дипломатическую и легальную борьбу против западных демократий. Эта новая “гибридная” форма войны проявляется

наукведение и методология решения проблем управления. Военно-теоретический труд. М., 1998; *Серебрянников В.В.* Войны России: социально-политический анализ. М., 1999; *Слипченко В.И.* Бесконтактные войны. М., 2001.

³ *Alpher Y.* Periphery: Israel's ыearch for Middle East. Lanham, 2015.

⁴ *Magen A.* Hybrid wars and the “gulliverization” of Israel // *Israel Journal of Foreign Affairs.* 2011. Vol. 1. P. 59.

в двух формах: формирование союза “государство и НГА” и использование международного права и международных организаций. Это стало возможным вследствие глобализации и распространения технологий, которые дают такую силу организациям, сетям или даже отдельным лицам, которыми они ранее никогда не располагали.

Особенности гибридных войн

После холодной войны стали набирать силу характерные особенности гибридных войн. *Первая особенность* заключается в том, что сменились главные участники войн. Традиционная война между двумя странами или большим числом стран (война между государствами) стала редким явлением и, кажется, будет становиться еще более редким. Вооруженные конфликты сегодня в большинстве случаев происходят либо внутри государства (гражданская война), либо между западными и незападными противниками — достаточно отсталыми, неядерными, негосударственными акторами и террористическими сетями. В 124 вооруженных конфликтах, произошедших с 1989 по 2007 г., 117 имели место в отдельных странах или в пограничных конфликтах между НГА и государством. Только семь конфликтов можно охарактеризовать как войну между государствами. Количество и сила НГА остаются достаточно стабильными и даже имеют тенденцию к росту. В настоящее время в мире насчитывается 345 негосударственных акторов.

Вторая особенность гибридных войн — это формирование динамических альянсов (формальных и неформальных) между незападными странами и НГА. Здесь в качестве известного всем примера можно назвать “радикальную ось” Иран — Сирия — Хезболла — Хамас. Другие такие альянсы включают Пакистан-сеть Талибана, который противостоит силам НАТО в Афганистане; альянс Пакистан — Хизбул Муждахидин против Индии в Кашмире.

Конфликты между западными странами и их альянсами, с одной стороны, и незападными странами и НГА — с другой, не являются ни традиционной войной между государствами, ни внутренними беспорядками. Они бросают вызов традиционной категоризации вооруженных конфликтов, размывают ответственность государств за вооруженные нападения и подрывают сдерживание НГА от проведения силовых операций.

Третья особенность — захват “неуправляемых пространств” незападными странами и их союзниками из числа НГА и использование таких пространств в качестве баз для проведения атак. Захват союзами западных стран и НГА “физического пространства”, где слабость государства или его полное крушение создает вакуум общественного порядка и исчезновение монополии на использование организованного насилия, безусловно, самая серьезная, резко нарастающая и недооцененная стратегическая угроза. Слабость государства подрывает его фундаментальные обязанности по обеспечению безопасности. Сегодняшняя обстановка вокруг Израиля формируется слабыми государствами (Ливаном, Иорданией, Сирией) и несостоявшимися государствами (сектор Газа, Сомали, Судан). Перечень территорий плохо управляемых или совсем не управляемых можно расширить: Афганистан, Ливия, Сирия, Эритрея, Йемен. Слабые

и несостоявшиеся страны — источник конфликтов, поскольку вакуум государственной власти притягивает различного рода насилие: антиправительственные беспорядки, межплеменные, этнические, религиозные и др. НГА осуществляют свою деятельность внутри слабых и несостоявшихся государств. Слабые государственные институты обычно означают слабый контроль границы, что в свою очередь ведет к проникновению боевиков, оружия, финансов и наркотиков.

Использование международных норм и права

Результатом развития международного права, правоприменения в Международном уголовном суде стали использование и нарушение внутренних и международных законов и институтов, как средства военного, дипломатического и экономического разрушения своего противника. Цель использования международной правовой системы состоит в следующем:

– нейтрализация государственной воли и способности предпринимать военные действия, даже тогда, когда они необходимы и оправданны, сея страх законного наказания среди политиков, военного командования и солдат;

– “обезглавливание” политического и военного руководства путем создания юридических сложностей, арестов и судебного преследования;

– приведение в упадок военной и технологической способности, убеждая корпорации и инвесторов, что самоубийственно вести бизнес с государством, которое является объектом атак со стороны НГА;

– постановка под вопрос способности правовой системы государства-объекта нападения независимо и справедливо проводить расследование жалоб о нарушениях, что явилось бы основанием для замены этих решений постановлениями внешних (международных) акторов;

– в международном общественном мнении проводить обличительную, обвинительную и демонизирующую стратегию.

Концептуализация опыта Израиля в противодействии гибридным угрозам в контексте проблем региональной безопасности на Ближнем Востоке помогает глубже понять гражданскую войну в Украине, которая приобретает форму затяжной гибридной войны Запада против России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гареев М.А. Война и современное международное противоборство // Независимое военное обозрение. 1998. № 1 (*Gareev M.A. Voyna i sovremennoe mezhdunarodnoe protivoborstvo // Nezavisimoe voennoe obozrenie. 1998. N 1*).

Ябчук В.Д., Солнышков Ю.С. Военное науковедение и методология решения проблем управления. Военно-теоретический труд. М., 1998 (*Rjabchuk V.D., Solnyshkov Ju.S. Voennoe naukovedenie i metodologija reshenija problem upravlenija. Voенno-teoreticheskiy trud. M., 1998*).

Серебрянников В.В. Войны России: социально-политический анализ. М., 1999 (*Serebrjannikov V.V. Voyny Rossii: social'no-politicheskiy analiz. M., 1999.*).

Слипченко В.И. Бесконтактные войны. М., 2001 (*Slipchenko V.I. Beskontaktne vojny. M., 2001*).

Alpher Y. Periphery: Israel's search for Middle East. Lanham, 2015.

Hoffman F.G. Conflict in the 21st Century: the rise of hybrid wars. Arlington, 2007.

Hoffman F.G. Hybrid warfare challenges / Joint Force Quarterly. 2009. N 52 (1).

Hoffman F.G. Hybrid vs. compound war, the Janus Choice: defining today's multifaceted conflict // Armed Forces Journal. 2009. Oct. URL: <http://www.armed-forcesjournal.com/hybrid-vs-compound-war> (date of access: 01.04.2015).

Magen A. Hybrid wars and the "gulliverization" of Israel // Israel Journal of Foreign Affairs. 2011. Vol. 1. P. 59.

А.В. Будаев, канд. полит. наук, Генеральный консул Российской Федерации в Рио-де-Жанейро (Бразилия), чрезвычайный и полномочный посланник 1 класса*

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ США В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ

A.V. Budaev

HYBRID WARFARE OF THE USA IN SOUTH AMERICA

Гибридные войны Вашингтона в латиноамериканском регионе отличаются особой изобретательностью и изощренностью, а по сути, представляют собой сложное многомерное явление, включающее в себя симбиоз "мягкой" и "жесткой" силы, а также их комбинацию в виде "умной силы". Возрастающее значение технологий гибридной войны во внешней политике США на южноамериканском направлении предопределяет необходимость тщательного изучения и анализа данного феномена под углом обеспечения российских интересов.

Ключевые слова: США, Южная Америка, технологии, гибридная война, информационно-психологическое, давление, оппозиция.

Washington's hybrid warfare in Latin American region differs by its inventive and sophisticated methods and in fact represents a complex and multidimensional phenomenon including symbiosis of the "soft" and "hard" power as well as their combination in the form of the "smart power". The increasing importance of hybrid warfare technologies in the US foreign policy in Latin America predetermines the necessity of thorough studies and analysis of this phenomenon for providing Russian interests.

Key words: The USA, South America, technologies, hybrid warfare, informational-psychological, pressure, opposition.

Соединенные Штаты Америки уже довольно давно и небезуспешно применяют стратегию гибридной войны как в "горячих точках" на Ближнем и Среднем Востоке, Северной Африке (Афганистан, Ирак, Иран, Ливия, Египет, Тунис), так и в своем относительно спокойном ближнем зарубежье — Центральной и Южной Америке. Достаточно вспомнить активную роль "американской закулисы" в содействии попытке неудавшегося госпереворота в Венесуэле в 2002 г., постоянный прессинг против

---

* Будаев Андрей Владимирович, e-mail: consrio@yandex.ru